

УДК 327(560)

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

А.Р. Одеков

Турция, проводя свою особую энергетическую политику страны-транзитера энергоносителей, успешно использует в качестве элементов “мягкой силы” последствия прошедших “арабских революций” в Египте, Ливии, Сирии.

Ключевые слова: Турция; Египет; Ливия; Сирия; “арабская весна”; энергетическая политика; “мягкая сила”.

SOME MOMENTS OF ENERGY POLICY OF TURKEY IN THE MIDDLE EAST

A.R. Odekov

Turkey, pursuing its special energy policy of the energy transit country, successfully uses the consequences of the past “Arab revolutions” in Egypt, Libya and Syria as elements of “soft power”.

Key words: Turkey; Egypt; Libya; Syria; “Arab spring”; energy policy; “soft power”.

В последнее время руководство Турции стремится активно использовать свое географическое положение, заключая соглашения с компаниями самых разных стран. При этом Турция учитывает политические интересы конкурирующих сторон и активно использует их разногласия для достижения своих целей. В значительной степени данное положение относится к энергетической сфере. Здесь турецкое руководство вынуждено прибегать к различным методам, в том числе использовать элементы “мягкой силы”.

Общие направления и задачи энергетической политики закреплены в Энергетической стратегии Турции (2010 г.). Данный документ определил цель – стать основным маршрутом транзита энергетических ресурсов в Европу. Уже сегодня на территории республики расположены важнейшие энергетические маршруты и транспортные артерии, способные соединить Азию и Европу, Восток и Запад, поставщиков и потребителей. Кроме того, у Анкары есть еще одно немаловажное преимущество – доставка больших объемов нефти по морю танкерами осуществляется через проливы Босфор и Дарданеллы, контролируемые согласно конвенции Монтре от 1936 г. исключительно Турецкой Республикой. Турция является крупным, не только с точки зрения региона, но и по мировым меркам, потребителем энергоресурсов, причем необходи-

мость в них в ближайшие годы будет расти. Страна на сегодняшний день покрывает за счет импорта более половины своих потребностей в энергоносителях. В связи с этим правительство страны стремится любыми путями диверсифицировать источники поставок углеводородов с целью уменьшения своей зависимости от какого-то одного поставщика. Немаловажен и тот факт, что Турция в современных реалиях претендует на роль регионального лидера, имеющего возможность влиять на ситуацию на Ближнем Востоке.

В этом контексте определенный интерес представляет механизм использования Турцией последствий событий “арабской весны”, произошедших в ряде государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Главной причиной подобного влияния можно обозначить глобальную роль этих стран в энергетической сфере. Именно они по состоянию на 2011 г. обеспечивали более 12 % мирового производства нефти и 10 % производства газа, при объемах потребления – 5,3 и 7,8 % соответственно [1]. Учитывая тот факт, что попытки Анкары попасть в Евросоюз постоянно наталкиваются на сопротивление его членов, можно предположить, что на данном этапе турецкое руководство старается использовать текущую ситуацию в регионе для достижения своих целей, направленных на увеличение поставок углеводородного сырья на свой

рынок и сосредоточение основных энергетических потоков на своей территории. Это позволит Турции стать ведущим игроком на энергетическом рынке, получив необходимые ресурсы для собственного развития, а также основным пунктом передачи углеводородов из стран региона в государства Европы, являющиеся их главными потребителями.

Кризисная ситуация в Египте, Ливии и Сирии в результате произошедших там “арабских революций” в значительной степени повлияла на политику Турецкой Республики в топливно-энергетической сфере. Нестабильность в этих странах была оперативно использована турецким руководством в своих целях, главной из которых стала “нейтрализация” серьезных региональных конкурентов в области транспортировки углеводородов в Европу. При этом, правда, появились риски, связанные с наполняемостью действующих трубопроводов, вследствие чего Турции приходится в настоящее время искать новых поставщиков.

В условиях продолжающейся политической нестабильности и общего обострения военно-политической обстановки в Египте наиболее серьезные опасения у турецкого руководства вызывает состояние нефтепроводов на территории Египта. В частности, речь идет о взаимодействии Турции и Египта по соединению Арабского магистрального газопровода (Arab Gas Pipeline), предназначенного для поставок египетского природного газа в Иорданию, Израиль, Сирию, Ливан и Кипр, с турецкой газораспределительной сетью для дальнейшей транспортировки голубого топлива в Европу через Болгарию и Румынию. Неслучайно турецкое руководство поддержало президента Египта Мохамеда Мурси и его Партию свободы и справедливости, а в сентябре 2012 г. объявило о выделении Турцией кредита Египту в 1 млрд долларов США [2]. Египет остается важнейшей транспортной артерией на пути иранской нефти в Турцию. Более того, Турция внимательно отслеживает все трудности Египта на энергетическом направлении и понимает, что европейские потребители вынуждены задуматься о необходимости создания новой, более стойкой к различным событиям системе поставок, частью которой может стать Турецкая Республика. Это особенно важно с учетом того, что, по данным Министерства энергетики и природных ресурсов Турции, кризис в Египте уже обошелся энергетическому сектору страны в 300 млн долларов США за счет роста цен на нефть на 10 %. Основной причиной увеличения стоимости послужил тот факт, что Египет, не являющийся крупным экспортером нефти, контролирует судоходство через Суэцкий канал, соединяющий Красное и Средиземное мо-

ря. По данному пути ежедневно проходит порядка 2 млн баррелей нефти, что составляет 2,2 % от общемирового потребления.

Что касается Ливии и ее влияния на политику Турции в области ТЭК, то у Турции появилась реальная возможность заменить поставки ливийских энергоносителей в Европу путем увеличения транзита полезных ископаемых через свою территорию из Ирана, Азербайджана и России, тем самым загрузив свои транспортные каналы и получив дополнительную прибыль за транзит. Важным фактором для реализации данного направления может стать географическое положение Турецкой Республики и ее связи с указанными выше нефте- и газодобывающими государствами. Кроме того, Турция может диверсифицировать направления поставок нефти и снизить зависимость от Ирана путем покупки месторождений в Ливии. В свою очередь руководство Ливии, следуя политике привлечения иностранных компаний для проведения различных работ в топливно-энергетической сфере на своей территории, готово сотрудничать с турецкой стороной, в частности, в рамках проектов по строительству нефте- и газопроводов. Показателем активного взаимодействия двух стран является тот факт, что в начале 2014 г. премьер-министры Турции и Ливии в Стамбуле подписали межгосударственное соглашение о стратегическом сотрудничестве.

Большим вопросом для сегодняшнего турецкого руководства и в политическом, и в энергетическом отношении остается Сирия. По мнению ряда независимых экспертов, подоплека лозунга “Сирия без Асада” и действий Турции в поддержку вооруженной оппозиции кроется в проблеме конкуренции в области транспортировки нефти и газа. Несмотря на то, что Сирия не является ключевым экспортером энергетических ресурсов, ее территория – это самый короткий маршрут, позволяющий, минуя проливы, выйти к Средиземному морю. Главное место в этой стратегии Сирии занимает “политика четырех морей”, обнародованная Башаром Асадом еще в 2009 г., согласно которой планировалось объединение транспортных и энергетических сетей государств Черного, Каспийского, Красного морей и Персидского залива со Средиземным морем. В этом случае центральная роль отводилась Сирии, что во многом не устраивало другие страны региона, прежде всего Турцию. Начавшаяся война за свержение Б. Асада (при активной поддержке Турции) практически поставила крест на соглашении о строительстве газопровода Иран – Ирак – Сирия, так называемого “Исламского газопровода”. Предполагалось, что газ будет поступать с крупнейшего месторожде-

ния Южный Парс, поделенного между Катаром и Ираном, в Дамаск. Предусматривалось, что газопровод может быть продлен по дну Средиземного моря в Грецию. Данный проект являлся прямой угрозой планам Анкары по сосредоточению потоков поставок природного газа из Ирана и Ирака [3]. Значительная часть сырья могла пойти в Европу в обход газотранспортной системы Турецкой Республики, что помимо снижения прибыли за транзит влекло существенное уменьшение роли турецкого государства как основной артерии, по которой голубое топливо попадает в европейские страны. Нестабильность в Сирии позволяет Турецкой Республике быть единоличным региональным лидером в данной сфере. В этой связи в настоящее время она имеет возможность упрочить свои позиции путем дипломатического диалога со странами, добывающими сырье, и организа-

ции новых путей поставок топлива европейским потребителям.

Таким образом, есть определенные основания утверждать, что нынешнее руководство Турции довольно успешно пытается использовать последствия событий “арабской весны” в качестве элементов “мягкой силы” для продвижения своей энергетической политики в регионе.

Литература

1. Официальный сайт РЭА. [Электронный ресурс]. URL: <http://rosenergo.gov.ru/>
2. US Energy Information Administration (EIA). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eia.gov/>
3. ИА “УММА”. [Электронный ресурс]. URL: http://umma.ua/ru/news/world/Kitay_i_Iran_ne_budut_sotrudnicat_po_proektu_Yuzhniy_Pars/10538